

ГЛАВНОЕ – УМЕТЬ ГРАМОТНО СПОТКНУТЬСЯ

МАСТЕРСКАЯ ОШИБОК

Вячеслав Букатов,
доктор педагогических наук

Многие педагоги хотят, чтобы их ученики читали внимательно. Для этого их нужно учить грамотно спотыкаться на пути осмысления прочитанного. Как же научить читателей видеть в тексте препятствия, которые, в свою очередь, вызывают размышления, сопоставление своих личных представлений и, возможно, поиск сведений, оказавшихся необходимыми?

6

Взрослый читатель сам выбирает, что ему читать. Ученик же, исходя из требований программы, вынужден брать в руки книгу, которая, возможно, не скоро бы его привлекла. Поэтому на преподавателе лежит особая ответственность за результат чтения. Удастся ли ему расширить представление юного читателя о возможности классики приносить подлинное наслаждение и духовное обогащение своей глубиной? Или же после чтения у молодого читателя ещё более укрепится пренебрежительное отношение к классической литературе как к устаревшей и не отвечающей его личным современным интересам и проблемам?

Увы, уроки литературы нередко сводятся к сообщению, чем в рассматриваемом произведении восхищались выдающиеся критики, учёные, писатели или сам учитель. При этом если у учеников и возникает восхищение, то оно бывает вызвано не столько текстом, сколько чьей-то способностью его так понимать. Их же собственное восприятие остается по-прежнему равнодушным.

И чем «правильнее», «научнее» то понимание, которое мы излагаем ученикам, тем скучнее им представляется понимание собственное. Они начинают, часто бессознательно, утаивать его даже от самих себя и повторять чужие слова и формулировки. Причём так искренне и убеждённо, как если бы своими глазами увидели то, что удалось увидеть другим, как если бы им са-

мим удалось насладиться тем, чем удалось насладиться другим.

Но видимость эта разрушается и для них самих, и для окружающих, как только они начинают исполнять произведение вслух с листа или наизусть.

РАСКАДРОВКА ЗАМЫСЛА

Вспоминается урок, который мне довелось как-то провести с учениками 7–9 классов. Для художественного освоения было намечено стихотворение А. С. Пушкина «Узник», по программе пройденное ими в шестом классе.

Перед встречей я запланировал сначала с помощью своеобразной смены ролей (роль по очереди отвечающих у доски замещается ролью одновременно рисующих за партами) помочь школьникам дать себе отчёт в том, как они реально понимают стихотворение.

Потом, объединив их в *малые группы*, заинтересовать поиском противоречий этому пониманию, поиском *нелепостей*, которые, по выражению Достоевского, часто лежат не в тексте, а в голове читающего.

Следующий этап – поиск возможного соединения обнаруженных нелепостей в новой смысловой картине, то есть в новом понимании. Начать этот поиск позволит организация смены мизансцен и двигательного пространства.

И, наконец, дать возможность испытать своё понимание перед товарищами чтением вслух.

Итак, «Узник»:

*Сижу за решёткой
в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе
орёл молодой,
Мой грустный товарищ,
махая крылом,
Кривавую пишу
клюёт под окном,
Клюёт, и бросает,
и смотрит в окно,
Как будто со мною
задумал одно;
Зовёт меня взглядом
криком своим
И вымолвить хочет:
Давай улетим!
Мы вольные птицы;
пора, брат, пора!
Туда, где за тучей
белеет гора,
Туда, где синеют
морские края,
Туда, где гуляем лишь
ветер... да я!..»*

1822 г.

ЗА КУЛИСАМИ ПЕРВОГО ЗАДАНИЯ

Две-три минуты занятий ушло на припоминание стихотворения. Ученикам были розданы разные издания сборников, включающих это стихотворение. Потом желающие прочли его наизусть.

Читали обычно: более или менее утомительно скандируя и с нарастанием абстрактного пафоса. Получалась всем знакомая картина плакатной, но бессмысленной бравадности, направленной в потолок. Слушатели с тоскливым терпением бродили глазами по стенам.

Меня слегка забавляла уверенность учеников в том, что в сти-

хотворении им якобы все понятно и что оно им якобы даже нравится!

Отмечу, что часто работу над литературным текстом я начинаю с того, что прошу пересказать его. Пересказать кратко, своими словами, о чём в нём говорится, что изображается. Для школьников подобное задание называется пересказом *истории*, для студентов – пересказом *фабулы*.

Заметим, что довольно часто в ответ на просьбу пересказать изложенную автором историю ученики (и школьники, и студенты) начинают излагать то, что называется идейным содержанием. Например, о стихотворении «Узник» мне часто приходилось слышать, что «это рассказ о стремлении к свободе».

– Да нет, вы мне саму историю напомните.

– А! Ну, там, сидит за решёткой узник и видит через решётку далёкую гору и в небе орла... Ну вот и все, пожалуй.

Или:

– Сидит узник, смотрит в окно. Прилетает орёл, зовёт его на свободу, и узник мечтает о воле.

Эти варианты пересказов не вымысел. Они столь характерны, что, я уверен, если читатель в непринуждённой обстановке попросит нескольких человек пересказать по памяти «Узника», то он обязательно услышит хотя бы один из этих вариантов почти дословно.

Но на том занятии я решил обойтись без пересказа. Дело в том, что при групповой работе

с вариантом пересказа, прозвучавшим первым, часто все остальные сразу соглашались, хотя будь кто из них первым, пересказ получился бы другим и иногда очень несхожим. Так как возраст учеников, сидящих передо мной, был разным, от седьмого до девятого класса, то мне важно было, чтобы именно *каждый* зафиксировал формулировку собственного понимания. Для этого каждый, не заглядывая в текст, должен был сделать рисунок или схему размещения персонажей стихотворения. Тем, у кого был «страх карандаша», разрешалось обозначать персонажей галочкой или кружочками с соответствующими поясняющими надписями.

ОТКРЫТИЕ ТОЧКИ

Когда задание было выполнено, учеников удивило разнообразие версий:

- клетка с птицей; рядом другая птица, которая принесла в когтях пищу (интересно, что в песенном фольклоре известен народный вариант пушкинского «Узника», в котором поётся также о двух орлах);
- стена изнутри камеры, человек стоит у зарешеченного окна; он смотрит на далёкий слабый контур горы и небольшую галочку, обозначающую орла;
- тюремный двор; невысоко от земли – зарешеченное окно; под ним сидит прилетевший

- орёл; из-за решётки на него смотрит человек;
- тюремный двор; орёл прикован цепью к колышку и клюёт пищу; рядом окно темницы; в окне видна голова человека;
  - внутренний вид камеры; узник стоит у окна; он смотрит на орла, который клюет на подоконнике с той стороны решётки;
  - камера изнутри; возле двери сидит узник; под окном напротив него орёл клюёт пищу.

Объединив учеников по сходству версий (история с двумя орлами была нарисована только одной семиклассницей, поэтому ей не с кем было объединяться), я предложил каждой группке, пользуясь текстом, попробовать отстоять свою версию и опровергнуть другие. Это был уже второй этап замысла.

Обсуждение началось бурно. Мне приходилось скорее сдерживать пыл обсуждения, нежели поддерживать его.

На версию с двумя птицами, озадачившую многих присутствующих своей неожиданностью, пришлось первое наступление. Оно было коротким и принадлежало самому автору данной версии – семикласснице. К своему великому удивлению, ученица обнаружила в тексте ранее ею незамечаемую точку. С восторгом она делилась своим открытием. Если раньше ей казалось, что строчка «вскормлённый в неволе орёл молодой» относилась к глаголу «сиду», то теперь

она увидела, что после первой строчки стоит точка, которая не допускает подобного понимания.

Другие ученики, скорее всего, не обращали внимания на точку в конце первой строки и не приписывали ей смысловую роль. Поэтому некоторые из них, увидев рисунок семиклассницы и озадачившись им, были готовы принять версию про двух орлов. Но автор она версии сама помешала этому, признав ошибочность своего понимания. Ученики почувствовали, что текст реально может быть мерилем понимания. Они буквально вцепились в него, проверяя прочность своей версии.

ЗАЧЕМ ОРЛА В КАМЕРУ САЖАТЬ?

Следующее наступление пришлось на рисунок с парящим орлом. Странники этой версии со стыдом признали свою капитуляцию: если орёл клюёт пищу и, более того, о нем сказано, что он вскормлён в неволе, то представление о парящем орле – плод собственного вымысла. К капитулировавшим присоединились и те, у кого вольный орёл прилетел на тюремный двор, и те, у кого орёл хотя и клевал пищу, но также был нарисован свободным.

Внимание сосредотачивается на двух оставшихся вариантах: орёл внутри камеры и прикованный орёл снаружи. Обсуждение переходит в спор между малыми группками. На занятии он нужен не для

того, чтобы «родилась истина» и чтобы привести всех участников к единому знаменателю. Обсуждение и спор помогают ученикам определить как можно чётче собственное понимание. В поисках доказательства перебирается и просматривается пусть небольшой, но уже существующий личный жизненный опыт. Опыт формируется нашими интересами, их своеобразие определяет своеобразие того, что вошло в нашу личную копилку. Поэтому связь текста с жизненным опытом читающего неизменно сопровождается возникновением при чтении и интереса, и эмоций, и личного понимания.

– Тут же сказано – *под окном*, значит, орёл в камере.

– Вот именно – *под окном!* Если под окном кусты растут, то они же растут на улице, а не в комнате.

– «Три девицы под окном пряли поздно вечерком». Они на улице пряли?

– В том случае – в светлице, а здесь орёл – на улице!

Соппротивление вынуждает учеников быть конкретнее в доказательствах, точнее формулировать свои представления. Участвуют в обсуждении почти все. Те немногие, что молчат, тоже собраны – они про себя пытаются определить, какой же из вариантов правдоподобен.

Одно из запомнившихся мне ученических опровержений того, что орёл находится снаружи темницы, было таким:

– На улице светло, солнце светит. А из-за решётки сыростью тянет. С улицы в темном окне увидеть ничего нельзя. И не будет орёл туда, в темень и сырость, глядеть. А если узник прижмётся вплотную к решётке, то вообще орёл испугается и выберет другое место, подальше от окна. Ведь цепь позволяет ему двигаться.

Опровержение версии, по которой орёл находится вместе с узником:

– А зачем орла в камеру сажать? Он что, заключённый? И потом, я где-то читала, что орёл именно привязан был на улице, только не помню где. Потому и нарисовала я так, как было *там* нарисовано.

РАЗБОРКА С АВТОРИТЕТАМИ

Ссылка на авторитет сама по себе доказательством не является. Пришлось вмешаться и дать посильное разъяснение. Дело в том, что вариант с прикованным снаружи орлом исходит не столько из текста стихотворения, сколько из комментария С. М. Бонди, часто приводимого в различных школьных изданиях. Пушкинист указывал, что «Узник» был написан в Кишинёве, в ссылке, поэтому поэт воображал себя узником, заключённым в темницу. Во дворе дома, где он жил, поэт видел на цепи орла, образ которого и использовал в стихотворении. Возможно, что такой комментарий указывает действительный повод возникнове-

ния стихотворения, но не раскрывает его содержания.

Отметим, что в некоторых учебниках рядом со стихотворением воспроизводится *прорись* одного из рисунков Пушкина, взятых из его черновиков. На рисунке чётко читается стол у зарешеченного окна; назначение некоторых предметов, находящихся на столе, так же, как и содержание пейзажа, неясно.

Дать квалифицированную справку на заинтересовавший учеников запрос о местонахождении орла – в камере или вне ее – я тогда не мог. Сам я был уверен, что птица находится внутри, но реальных доказательств не было. Ученикам я предоставил право, исходя из личных представлений и осмыслений грамматических форм языка, выбрать свою версию. Забегая вперёд, скажу, что в конечном итоге у всех орёл оказался внутри темницы, хотя объяснить, почему он там оказался, первоначально никто не мог.

О ПТИЧЬЕЙ ОХОТЕ

А примерно через полгода я встретил человека, который, как оказалось, собирает материал об охотничьих птицах. От него я узнал, что охотничьих птиц на открытом воздухе не содержали. Их «выгуливали», но недолго. На это время их за ногу привязывали (приковывали) к особым пенькам. Все же остальное время птиц держали поодиночке в тёмных прохладных помещениях. И делалось это

для того, чтобы птица выше поднималась в небо во время охоты.

Тогда я вспомнил об «Узнике» и спросил его мнение. В ответ же услышал:

– Стоит ли к поэзии подходить так буквально и искать в стихах конкретный смысл? А о птичьей охоте можно рассказать. Это была одна из царских забав. При Алексее Михайловиче, отце Петра I, даже боярам была запрещена соколиная охота. Право на неё имел только сам царь. И охотничьих птиц у него содержалось несколько тысяч! То было время расцвета соколиной забавы. Пьяного сокольничего не подпускали к птицам и строго наказывали! И тогда вряд ли узника могли посадить в темницу к птице или птицу к узнику. Правда, уже с Петра всё было не так строго. И состарившихся охотничьих птиц по дешёвке продавали кому угодно. Может быть, и смотреть за такой птицей мог по договорённости арестант. Но на Руси для охоты обычно держали соколов или кречетов. С орлами охотились в степях и горах. Там они были в большом почёте, так как только они брали лис. Но какое это имеет отношение к стихотворению, не понимаю?!

В ответ я улыбнулся, припоминая, насколько буквально сам Пушкин подходил к поэзии, например, Байрона. Но так как настрой моего собеседника был несколько риторическим, то я, не ввязываясь в спор, поблагодарил его за разъяснения.

Для меня полученные сведения были очень важны. Если в тексте не видеть проблем для осмысления, если все затруднения списывать на поэтическую образность, то, конечно, нужды во всех этих сведениях нет. И они при чтении «Узника» оказываются мёртвым грузом даже для тех, кто ими располагает.

Реалии легко усваиваются или упорно разыскиваются читателем, только когда он увидел в том нужду. Без нужды комментарии остаются непрочитанными даже при самом продуманном размещении (например, когда они под рукой, на той же странице). Поэтому моя цель – научить читателей видеть в тексте препятствия, которые, в свою очередь, вызывают размышления, сопоставление своих личных представлений и тогда, возможно, поиск сведений, оказавшихся необходимыми.

Многие педагоги хотят, чтобы их ученики читали внимательно. Для этого их нужно учить *грамотно спотыкаться* на пути осмысления прочитанного.

Обсуждение «рисунков-пересказов» помогло каждому из учеников на том занятии увидеть особенности своего реального понимания со всеми лакунами, иллюзиями и недоразумениями. При этом они с энтузиазмом начинают изучать текст. Без всякого принуждения они всё читают и перечитывают его в поисках доказательства какого-то своего то предположения, то аргумента.

Следующие, достаточно трудные задания мне ввести в их круг внимания уже было легко... (Что было дальше и как осуществился замысел урока, заинтересованные учителя могут прочитать в кн. В. Букатова «Тайнопись бессмыслиц в поэзии Пушкина». М., 1999.)